

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт истории материальной культуры
Труды. Т. XLVIII

В КАМНЕ И В БРОНЗЕ

Сборник статей в честь Анны Песковой

Редакторы-составители
А. Е. Мусин (отв. ред.) и О. А. Щеглова

Санкт-Петербург
2017

КАМЕННЫЙ КРЕСТ ИЗ РАСКОПОК НА ОХТИНСКОМ МЫСУ

КАМЕННЫЙ КРЕСТ с позолоченными наконечниками найден в 2008 г., во время раскопок Санкт-Петербургской археологической экспедиции на Охтинском мысу¹. Крест был обнаружен в юго-восточном углу внутренней площадки крепости Ландскрона на равном удалении – около 6 м – от восточного и южного склонов первого крепостного рва. В этом месте, судя по другим, лучше сохранившимся частям площадки, располагался угол дерево-земляной платформы, на которую опирались крепостные сооружения с угловой башней (рис. 1). В отличие от восточной линии рва, сохранившейся почти на полную глубину на всем ее протяжении, с южной стороны на этом участке была прослежена подрезка внутреннего склона. Она была сделана уже после штурма крепости, перед строительством Ниеншанца в начале XVII в.

Крест находился в основании локального насыпного слоя гумусированной супеси, перекрывавшего эту подрезку. Под ним в нижней части заполнения рва выделялся песчаный слой естественного разрушения укреплений Ландскроны XIV–XVI вв. Сверху его перекрывал насыпной слой, образовавшийся при полной засыпке заплывшего крепостного рва одновременно с нивелировкой поверхности мыса при возведении новой крепости в первой половине XVII в. В нем содержались остатки перемещенных дерево-земляных конструкций из укреплений

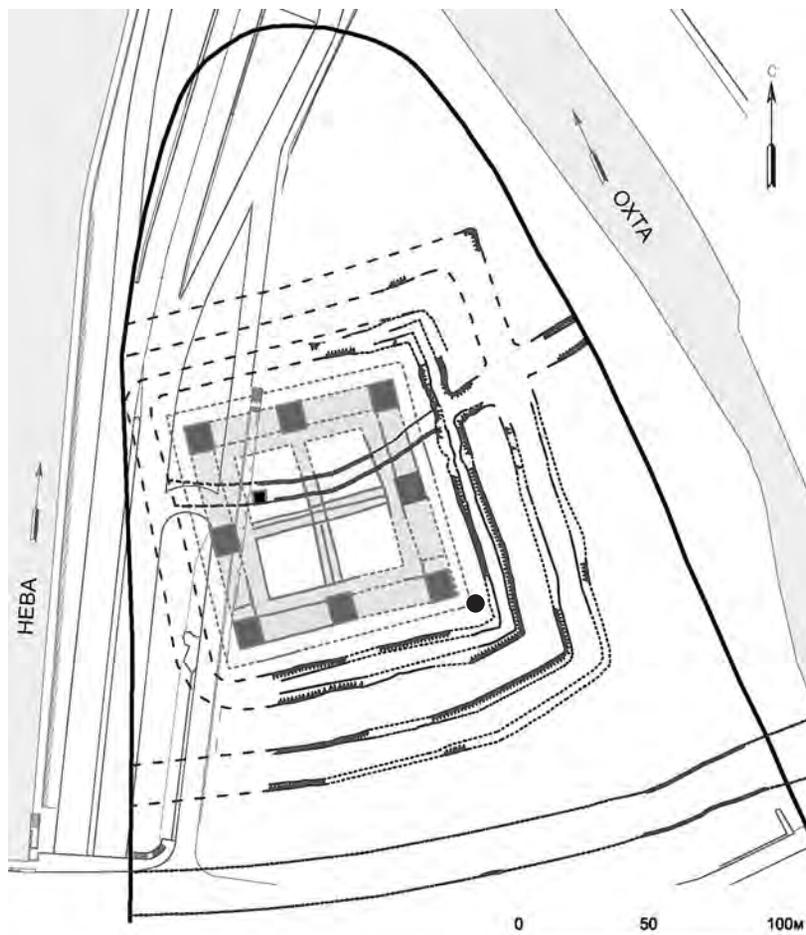

Рис. 1. Реконструируемый план крепости Ландскрона на Охтинском мысу по археологическим данным: ● – место обнаружения находки.
Автор П. Е. Сорокин

Ландскроны и переотложенные останки захоронений из позднесредневекового могильника, расположенного к юго-востоку от исследованного участка (Сорокин, Гукин, Иванова, Короткевич, Лазаретов, Матвеев, Михайлов, Поляков, Попов 2016).

¹ Археологические раскопки 2006–2009 гг. на Охтинском мысу были связаны с проектом строительства 300-метрового небоскреба. На этой территории ранее последовательно располагались средневековое мысовое городище и крепости Ландскрона и Ниеншанц. В результате пятилетней борьбы городской общественности против этого строительства удалось добиться его переноса в другое место. Описываемая в статье находка была обнаружена в том месте, где проектировалась башня небоскреба диаметром 80 м. Пользуясь случаем, благодарю руководителей работ на раскопе 7: К. А. Михайлова (ИИМК РАН), В. Д. Гукина, М. А. Ахмадееву, нашедшего крест М. Громова (ГЭ) и всех участников раскопок.

Рис. 2. Археологический контекст находки креста: юго-восточный угол первого рва Ландскроны. Фото П. Е. Сорокина

Все перечисленные слои, заполнявшие ров, включали остатки разрушенных насыпных сооружений Ландскроны, сохранявшихся на этой территории до строительства Ниеншанца (рис. 2, 3). Таким образом, попадание креста в культурные отложения Охтинского мыса датируется по стратиграфическим наблюдениям от штурма Ландскроны в 1300/1301 гг. до начала строительства первоначальных укреплений Ниеншанца в первой половине XVII в. (Сорокин, Гукин, Иванова, Короткевич, Лазаретов, Матвеев, Михайлов, Поляков, Попов 2016).

Каменный четырехконечный крестик с металлическими наконечниками имеет размеры 5,4×5,0×1,0 см (рис. 4). С лицевой стороны на метал-

лических накладках припаяны 4 овальные касты, в двух из которых сохранились вставные камни прозрачного горного хрусталя. Три наконечника завершаются ажурными куполообразными колпачками со сканными завитками в виде четырех сходящихся кринов с шариками на окончаниях. На четвертом – верхнем наконечнике креста – имеются три ушка с железным стержнем для крепления оглавия. Помимо этого на боковых плоскостях наконечников припаяны восемь петелек для крепления несохранившихся проволочных спиралек или цепочек, соединявших соседние концы. Сам крест изготовлен из плагиоклазового андезитового порфирифта – серо-коричневого (бурого) камня с крупными бежевыми вкраплениями четырехугольной формы. Наконечники креста, по первоначальному определению серебряные с позолотой, возможно, были изготовлены из электра. В их составе, в среднем, около: 37–40% Au (золото), 56–60% Ag (серебро), 1–3% Cu (медь), причем в разных частях изделия содержание драгоценных металлов сильно варьируется. Определение состава металлических оправ креста требует дополнительного изучения².

Крест дошел до нашего времени со значительными повреждениями. На его поверхности заметны трещины, утрачены оглавие, две каменные вставки, обломаны края каст, в которых они находились. По своему оформлению он отличается изяществом и мастерской проработкой деталей. По внешнему виду и размерам крест относится к наперсным, которые носили в открытом виде на груди, возможно, в составе нагрудных украшений.

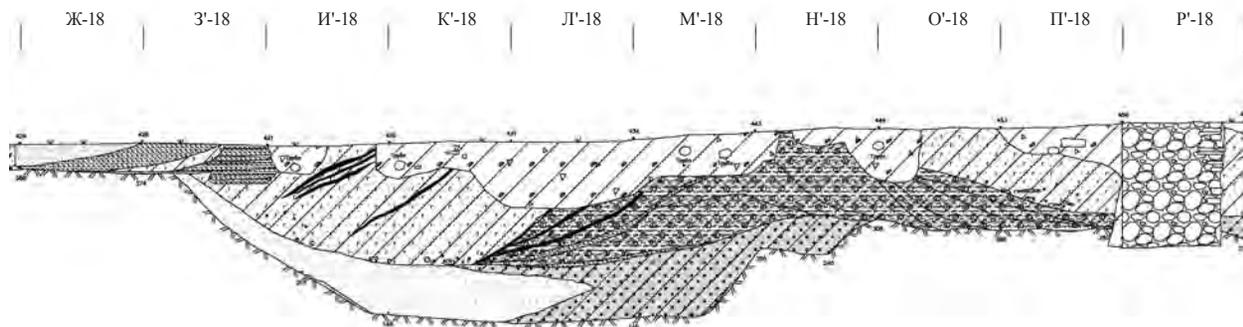

Рис. 3. Археологический контекст находки креста: стратиграфический разрез заполнения рва вблизи места находки. Авторы: П. Е. Сорокин, К. А. Михайлов, В. Д. Гукин

² Благодарю сотрудников Государственного Эрмитажа С. В. Хаврина за работы по определению состава металла и Р. С. Минасяна и Е. А. Шаблаину за консультации по металлообработке и изготовлению деталей креста.

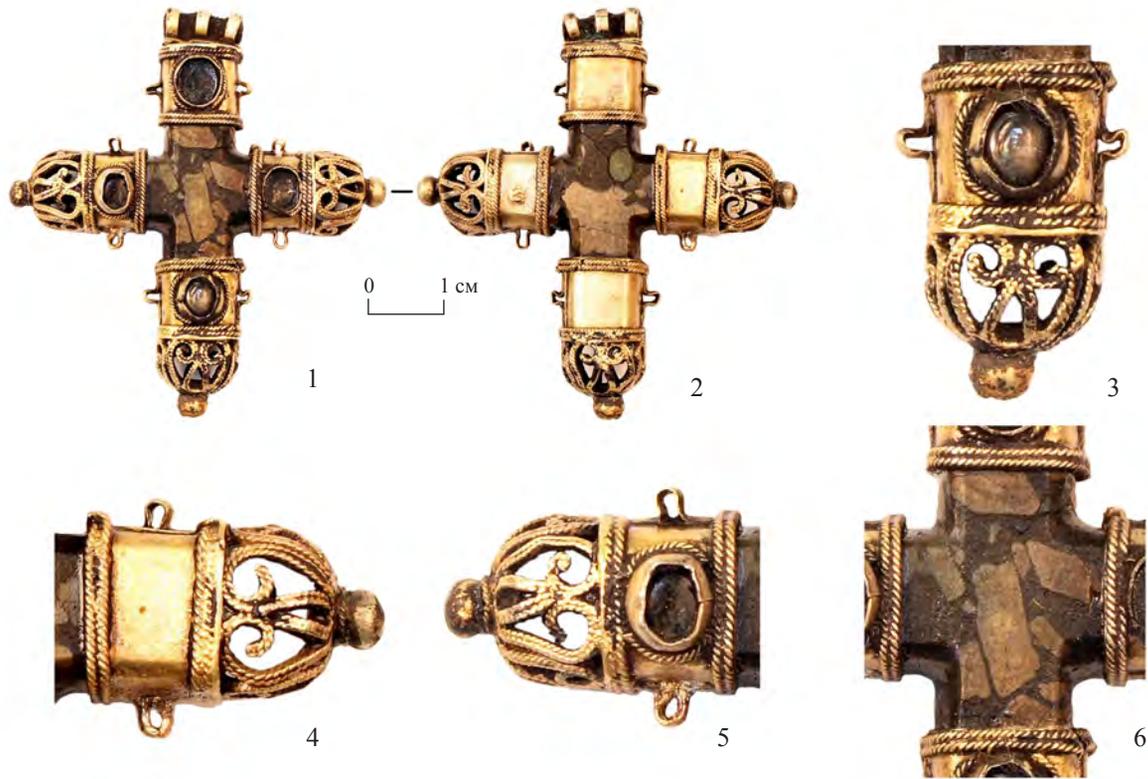

Рис. 4. Каменный крест с наконечниками, найденный на Охтинском мысу: 1, 2 – общий вид, лицевая и оборотная сторона; 3–6 – детали оформления

Нательные каменные крестики, называвшиеся в старых монастырских книгах «курсунскими», а в археологической литературе «курсунчиками», были достаточно широко распространены на территории Древней Руси. Происхождение их изначально связывалось с Византией и непосредственно с Херсоном (Корсунем), откуда на Русь пришло христианство. Как писал Н. П. Кондаков, «множество тельных крестиков X–XII столетий, встречаемых в кладах и ризницах России и собраниях, из различных яшм, серпентина, халцедона, в золотой и сканной оправе, вероятно, происходят из Корсуня» (Кондаков 1896. С. 43; Ханенко, Ханенко 1899. С. 3).

Значительное количество случайных находок таких крестов – из Южной и Юго-Западной Руси, преимущественно из Киевской земли. В опубликованной коллекции Б. И. Ханенко и В. Н. Ханенко насчитывается 33 креста, отнесенных ими к X–XII вв. (Ханенко, Ханенко 1899. С. 8, таб. I: 1–20; Ханенко, Ханенко 1900. Таб. XVII: 170–181). В другой коллекции, со-

брании В. Е. Гезе – И. С. Остроухова³, включающей находки из Среднего Поднепровья и Подесенья, имеется 53 каменных крестика, датированных предположительно концом X–XIV вв., но в основном XII–XIII вв. (Государственная Третьяковская галерея 1995. С. 210–218, №№ 112–165; Сидоренко 1991). Известны и хорошо документированные каменные кресты X–XIII вв. из раскопок поселений Подесенья (Веремейчик 2010. С. 348–349).

В собрании Владимирского музея насчитывается около 50 крестов из различных пород камня, найденных при раскопках Владимира, Суздаля и других мест Владимирской земли. Датируются они концом XI–XIV в., однако наибольшее их распространение приходится на XII – первую половину XIII в. (Кокорина 2013. С. 7, кат. №№ 23–72). В Рязанской земле каменные кресты появляются в XI в., но в основном связаны с комплексами конца XII – первой половины XIII в., когда их изготовление зафиксировано в Старой Рязани (Остапенко 2015. С. 102, 147).

³ В настоящее время хранится в Государственной Третьяковской галерее, Москва.

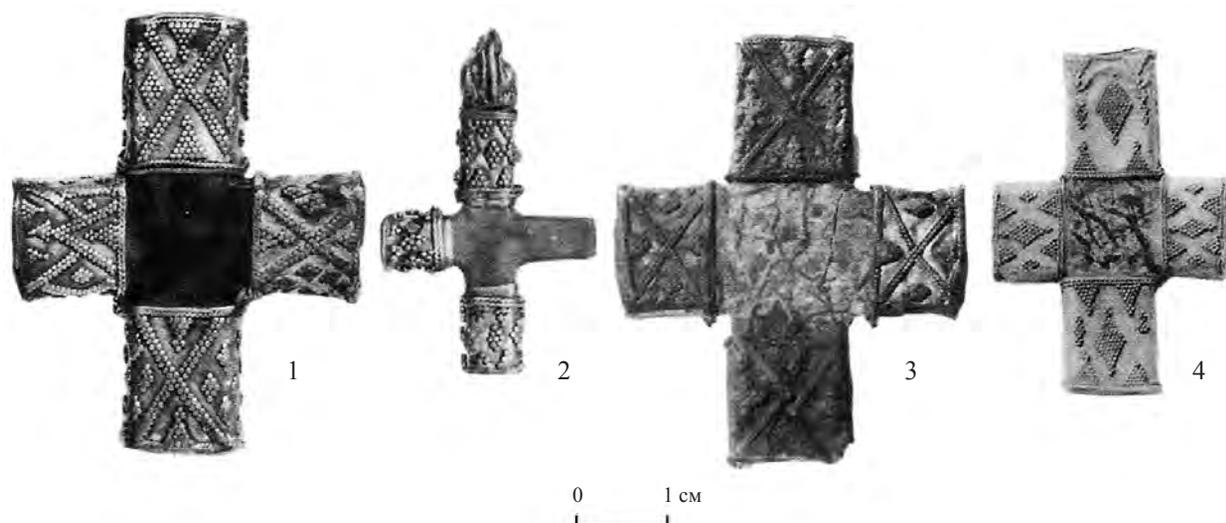

Рис. 5. Кресты в серебряных оправках из Старорязанских кладов: 1, 2 – клад 1970 г. (по: Монгайт, Даркевич 1978. Рис. 35); 3 – клад 1979 г. (по: Даркевич, Пуцко 1982. Рис. 199); 4 – клад 1887 г. (по: Гущин 1936. Рис. XXVIII; 5; ср.: Монгайт 1950. Рис. 147; Жилина 2010. Рис. 108)

В составе находок из Пскова и Псковской земли – 26 каменных крестов середины XI – середины XIV в. Большинство из них относится к XIII в., составляя, для этого времени, пятую часть всех крестов-тельников (Колпакова 2007. С. 9). Десять крестов, изготовленных из порфирита, и не менее 4-х фрагментов этого камня происходят из Новгорода, который, начиная с середины XII в., был одним из мест их изготовления (Мусин 2004. С. 142–143; Мусин 2009. С. 241–242).

Таким образом, судя по археологическим данным, каменные крестики получают наибольшее распространение в XII–XIII вв., когда производство их было налажено в русских городах. Часть их изготавливалась из местных недорогих пород, таких как известняк. Янтарные кресты представлены в большем количестве в Новгородской и Псковской землях, граничивших с Прибалтикой, а шиферные более характерны для Южной Руси, хотя они встречаются и на остальной древнерусской территории. Вероятно, какая-то часть крестов, особенно из редких камней, привозилась извне.

Четырехконечные, иногда шестиконечные кресты из дорогих пород камня с драгоценными металлическими оправками были распространены на Руси в XII–XVII вв. В зависимости от их размеров и оформления они могли быть нательными или нагрудными (наперсными). Кресты домонгольского времени относительно немногочисленны – в настоящее время их известно около 30, в большинстве сво-

ем в составе кладов, реже – в виде отдельных находок (рис. 5). Вероятно, некоторые другие каменные кресты имели наконечники, но они не сохранились. Признаками этого могут служить подработанные – зауженные – концы для окладов, а также отсутствие отверстий для привешивания, что, как кажется, предполагало наличие наконечников.

Большинство домонгольских крестов с драгоценными оправками происходит из Старой Рязани, Киева и их окрестностей. Кроме того, они найдены во Владимире, Москве и Черниговской земле (Корзухина 1954. С. 120–130, 162–167; Монгайт 1955. С. 144–150; Даркевич, Монгайт 1972; Даркевич, Монгайт 1978; Мусин 2003. С. 145–155; Жилина 2010а. С. 174–172; Жилина 2014. С. 135–137, 156–158). Около половины из них входило в состав Рязанских кладов: 1822 г. (2 экз.), 1887 г. (2 экз.), 1950 г. (3 экз.), 1970 г. (3 экз.), 1979 г. (2 экз.) и 2013 г. (5 экз.). При этом в археологических слоях на поселениях Рязанской земли были найдены только 2 отдельных креста такого типа (Остапенко 2015. С. 102, 147). Такие же кресты имеются в кладках из Киева 1824 г., 1903 г. и 1906 г. (2 экз.), с Княжей Горы 1891 г. (с. Пекари, Каневский район, Черкасская область, Украина) и у д. Лески (Коноплянский район, Орловская область) 1853 г. (2 экз.) (Корзухина 1954. С. 120, 123, 124–125, 128, 139). Два креста были найдены при раскопках Десятинной церкви в комплексе 1240 г., исследованном в 1939 г. (Жилина 2014. С. 366–369). В составе Владимирской коллекции также

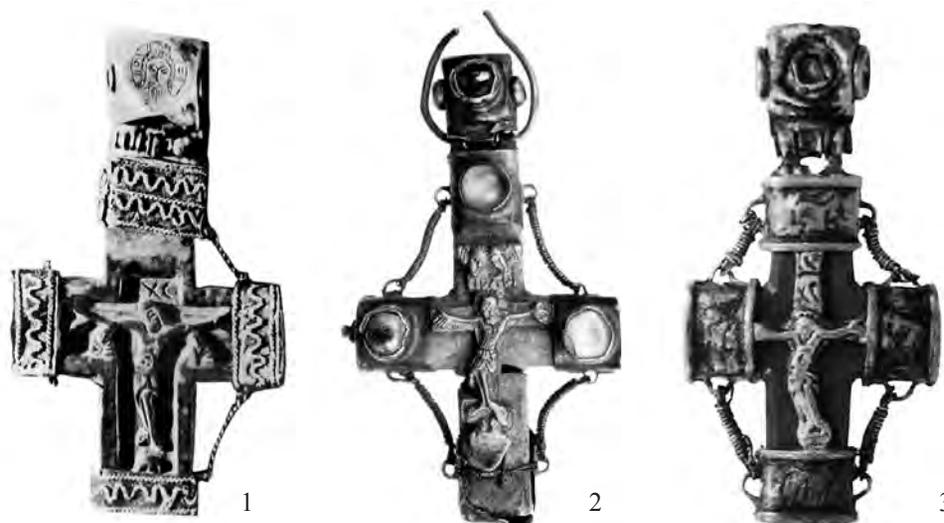

Рис. 6. Каменные кресты XIV–XV вв. с металлическими оправами, без масштаба:
1 – крест из собрания Ростовского музея (по: Николаева 1983. № 308); 2, 3 – кресты из собрания Ярославского музея
(по: Горбачева, Харламова 2011. №№ 29, 30)

имеются 2 таких креста и 1 с утраченными наконечниками. Эти кресты найдены в слое XII – первой трети XIII в. (Кокорина 2013. С. 47–48). Отдельные кресты с металлическими оправами, относящиеся к случайным находкам, происходят также из других земель Древней Руси (Кайль, Нечитайло 2006. С. 16–19; Кутасов, Селезнев 2010. С. 264–267).

Оправы каменных крестов XII–XIII вв., преимущественно серебряные, золотые (позолоченные) наконечники, встречаются очень редко. Кресты с золотыми оправами входили в состав кладов из Киева 1824 г. и, возможно, 1906 г., из Княжей Горы 1891 г., Старой Рязани 1822 г. (Корзухина 1954. С. 123–125, 128, 144). Богатство оформления, происхождение из состава кладов и относительная редкость этих изделий в других археологических комплексах свидетельствуют о ценности каменных крестов с наконечниками из драгоценных металлов и высоком социальном статусе их владельцев.

Кресты с металлическими оправами были в употреблении и в более позднее время, однако, со второй трети XIII в. до конца XV в. они почти неизвестны среди археологических находок. К этому периоду предположительно был отнесен ряд случайных находок из собрания Ростовского музея (рис. 6: 1). Наперсный крест, изготовленный из темного камня с рельефным изображением Распятия Христа с резной надписью «IC XC», датируется XV в. Концы его обложены сере-

бром и украшены сканью в виде волнистой линии, на оглавии нанесено гравированное изображение образа Нерукотворного Спаса, в 2-х местах концы креста соединены перевитой серебряной проволокой. Еще на двух каменных крестах, которые, судя по оформлению, в древности были облицованы металлическими оправами, также имелись изображения шестикрылого херувима и образ Нерукотворного Спаса с надписью «IC XC». Первый из них отнесен к XIII–XIV вв., второй к XV в. (Николаева 1983. С. 127–128, №№ 308, 302, 307, таб. 54: 8, 4, 5). Концом XV – началом XVI в. датированы и два креста из Ярославского музея (Горбачева, Харламова 2011. С. 102, 103)⁴ (рис. 6: 2, 3).

Значительно большее количество таких крестов относится к XVI–XVII вв. Многие из них сохранились в церквях и монастырях в качестве привесов к окладам икон, а в настоящее время хранятся в музеях Москвы, Сергиева посада, Суздаля, Ярославля и в других местах. Только в собрании Ярославского музея имеется 34 таких креста конца XV–XVII в. из Спасского монастыря, изготовленных, согласно музейной атрибуции, из разных пород камня: яшмы, мрамора, гранита, порфирита, а также стекла и перламутра. Наконечники их изготовлены из серебра и золота и украшены драгоценными камнями (Горбачева, Харламова 2011. С. 19, 20, №№ 29–62) (рис. 7: 1–3). Подобные каменные кресты были рас-

⁴ Пользуясь случаем, благодарю А. А. Пескову за возможность ознакомиться с этим изданием.

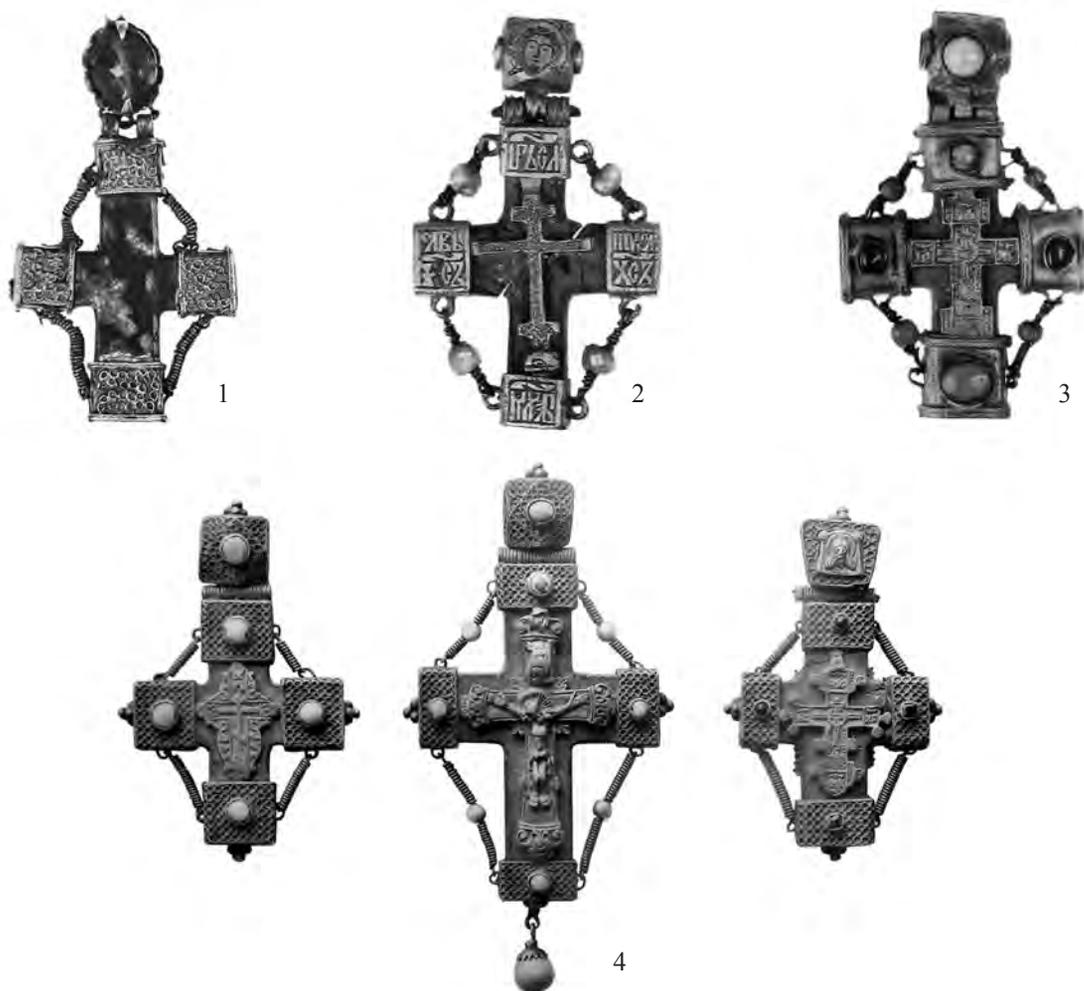

Рис. 7. Каменные кресты XVI–XVII вв. с металлическими оправами, без масштаба:
 1–3 – кресты из собрания Ярославского музея (по: Горбачева, Харламова 2011. №№ 51, 53, 56);
 4 – кресты, найденные в Киевской губернии (по: Ханенко, Ханенко 1899. №№ 146–148)

пространены в это время и на Украине. Некоторые из них, относящиеся к XVII в., представлены в коллекции Б. И. и В. Н. Ханенко (Ханенко, Ханенко 1899. С. 29, таб. XIII: 146, 147, 148; Ханенко, Ханенко 1900. С. 25, таб. XIII: 356) (рис. 7: 4).

В этот период оформление крестов меняется в соответствии с новыми стилистическими традициями. На лицевой стороне обычно помещалось накладное литое или басменное Распятие, иногда – просто кресты, концы которых могли закрепляться в металлических оправах. На оправах часто делались надписи литургического или исторического характера (Николаева 1960. С. 83; Горбачева, Харламова 2011. С. 19, 20, №№ 29–62). Двойные сканные пояски по их краям встречаются редко, иногда их заменяет имита-

ция в виде валика с насечками. Наконечники лишь изредка украшались чернью, сканью и зернью, отличавшимися от древнерусских изделий по стилю. Соседние концы крестов, через припаянные к наконечникам петельки, соединялись металлической проволокой или цепочками, зачастую украшенными пронизками из жемчуга, драгоценных камней и стекла.

Кресты из дорогих пород камня с драгоценными оправами, изготовленные в древнерусское время, могли использоваться в аристократической среде Московской Руси вплоть до XVI–XVII вв. Такие предметы личного благочестия служили индикатором социального статуса их обладателей и могли быть фамильными реликвиями, передававшимися по наследству, что подтверждается документами

XIV–XVI вв. (Беленькая 1976. С. 95; Мусин 2003. С. 151; Мусин 2004. С. 144). Оформление ранних крестов могло меняться в процессе их использования в соответствии с новыми стилистическими предпочтениями или при необходимости их ремонта и подновления, что прослеживается на некоторых экземплярах. Этим, вероятно, и объясняется редкость подобных крестов для второй половины XIII–XV вв. Длительное использование и обновление затрудняют датировку экземпляров, не имеющих четкого археологического контекста.

Признавая возможность попадания ранних каменных крестов на Русь из Византии, сложно судить о степени византийского влияния на формы и стили оформления каменных крестов с наконечниками в XII–XIII вв., так как их известные византийские аналоги редки. Находки крестов из стеатита XII–XIV вв. известны в Херсонесе. Здесь же найдены серебряные насадки на ветви креста XIII в. с чеканкой и гравировкой на лицевых гранях монограммы Иисуса Христа (Византийский Херсон 1991. С. 168, 169, 204, № 218). Крест из шлифованного зеленого камня, предположительно яшмы, с серебряными обоймицами и гравированными христианскими надписями на них найден в погребении священника в церкви св. Константина XV–XVII вв. на Мангупе (Герцен, Яшаева 2010. С. 356–357).

Большая часть видов поделочных камней, из которых изготавливались кресты, на Руси не встречалась. Как сырье, так и готовые кресты могли привозиться из Византии и других земель. Иначе обстоит дело с металлическими наконечниками на ветвях крестов, выполненных в единой стилистической манере с другими древнерусскими сканно-зернеными украшениями того времени. По мнению большинства исследователей, они делались русскими мастерами (Даркевич, Монгайт 1978. С. 7, 8; Жилина 2010а. С. 174).

Порфирит, из которого изготовлен крест с Охтинского мыса – твердый поделочный камень магматического происхождения, в переводе с греческого означает «пурпурный». Он известен со времен Римской Империи по месторождению Сафага у подножия горы Порфиритос в Египте, где добывался камень темно-красного – «порфирного» цвета. Месторождения с разными по составу видами порфирита: серого, черного, зеленого, бурого окраса с характерными включениями серого, темно-серого и зеленого цветов встречаются: на Кавказе, на Алтае, в Центральной Европе (Карножицкий

1898. С. 644–646). Известен он также в Заонежской Карелии, Финляндии и Центральной Швеции, но на этих территориях добывается мелкозернистая порода. Различные виды порфирита использовались в архитектуре и мелкой пластике Рима, Византии, в странах средневековой Западной Европы и на Руси. Зеленый порфирит, по мнению А. Е. Мусина, в представлениях средневековых людей был особым камнем, обладавшим целебными и защитными свойствами. Среди каменных крестов древнерусского времени исследователем был выявлен 21 крест из этого материала в Новгороде, Киеве, Рязани и во Владимире. Одним из возможных мест, откуда плагиоклазовый андезитовый порфирит поступал в Новгород, мог быть, согласно мнению некоторых экспертов, район Сямозера (Карелия). Однако, в свете некоторых петрографических и источниковедческих исследований, средиземноморское происхождение камня – конкретно из местности Крокея на полуострове Пелопоннес – сегодня оказывается предпочтительней (Мусин 2003. С. 149; Мусин 2004. С. 142–144; Мусин 2009. С. 224–239, 241–244; Мусин 2010. С. 246–252). Учитывая существование нескольких видов порфирита с разным составом, фактурой и окрасом, отсутствие строго научных определений минералов во многих работах о каменных крестах, что порождает определенную путаницу в этом вопросе (Веремейчик 2010. С. 348), установить точное количество изделий из этой породы и, тем более, ее разновидности на данной стадии исследования затруднительно. Вопросы распространения порфирита, времени и путей его поступления на территорию средневековой Руси требуют дополнительного изучения. Следует отметить, что «охтинский» крест отличается от большинства опубликованных крестов из порфирита, имеющих темно-зеленую расцветку, своим бурым с бежевыми вкраплениями окрасом.

Использование сплава электра в изготовлении древнерусских украшений отмечалось среди находок из Киева: браслета в кладе 1912 г., а также бус и подвесок ожерелий в кладе 1949 г. (Корзухина 1954. С. 110, 125). Возможно, этот сплав применялся чаще, но определение этого требует специальных лабораторных исследований.

Детальная типология оправ древнерусских каменных крестов и их декора была разработана Н. В. Жилиной (Жилина 2010а. С. 174–182). Большинство из них оформлены в виде прямоугольных колпачков с прямыми окончаниями.

Рис. 8. Каменные кресты с металлическими оправками: 1, 2 – Рязанский клад 1822 г. (по: Жилина 2010. Рис. 111); 3 – собрание М. П. Боткина, без масштаба (по: Новаковская-Бухман 2010. Цв. вкл. 5: 3); 4 – Киевский клад 1824 г., без масштаба (по: Кондаков 1896. Рис. 62)

Исключение составляют 2 креста с ветвями и наконечниками круглого сечения. Почти все наконечники оконтурены двойными сканными поясками. Лицевая сторона большинства серебряных экземпляров заполнена геометрическими и линейно-геометрическими орнаментальными композициями из зерни и скани в виде треугольников и ромбов, в некоторых случаях разделенных крестообразными поясками. Обратная сторона обычно имеет гладкую поверхность (Корзухина 1954. С. 123–125; Даркевич, Пуцко 1982. С. 198–199). Использование сдвоенного сканного жгута на украшениях характерно также для новгородских изделий XIII–XIV вв. (Николаева 1976. С. 52–53).

Краевые двойные сканные пояски имеются и на наконечниках креста с Охтинского мыса. В отличие от большинства других крестиков этого типа, они дополняются вставками камней в кастах, окруженных сканным пояском, а также уникальными ажурными филигранными завершениями полусферической формы, выполненными из скани в виде четырех сходящихся кринов. Они оканчиваются шариками, выделенными сканными поясками, что напоминает завершения некоторых многолучевых колтов.

Каменные вставки в древнерусских ювелирных украшениях не были редкостью, известны они и на наконечниках крестов. Близкими по оформлению и декору «охтинскому» кресту являются два крестика небольших размеров из Рязанского клада 1822 г., хранящегося в Государственной Оружейной палате в Москве. Форма их близка к равноконечной,

внутренние углы несколько скруглены, а оконечности заужены. Они изготовлены из яшмы, в прямоугольных золотых оправках с двойным сканным пояском по краям. Гладкая поверхность наконечников с лицевой стороны была украшена вставными камнями в кастах, обложенными сканными жгутами (Кондаков 1896. С. 95, рис. 50; Монгайт 1955. С. 142, 144, рис. 114: 11; Жилина 2010а. С. 178, 182). На одном из них сохранились четыре прямоугольных наконечника с камнями, на другом – два. Оглавия обоих крестов и два наконечника второго креста оказались утрачены. Верхний наконечник первого завершается двумя петлями для шарнирного крепления оглавья (рис. 8: 1, 2). Несмотря на то, что они обнаружены в кладе, связываемом с татарским нашествием, Н. В. Жилина относит их к строгому стилю, датируемому первой половиной – серединой XII в. (Жилина 2014. С. 308), что свидетельствует об их длительном использовании. С «охтинским» крестом их сближает оформление наконечников с камнями и наличие на втором кресте петелек для цепочек. Однако оба они имеют прямоугольные окончания.

Большинство каменных крестов с наконечниками крепились к ожерелью, цепочке или тесьме через сквозное отверстие в верхней части. Появление оправ с выделенным ушком или петлями для подвешивания на дорогих крестах со второй половины XII в. связывается с началом их отдельного ношения, в соответствии с нормами христианского культа (Жилина 2010а. С. 182). Однако оформление сохранившихся оглавий и наконечников крестов

с каменными вставками конца XII – первой трети XIII в. стилистически сходно с декором ожерелий, в составе которых они могли по-прежнему носиться. Включение крестов в состав ожерелий в XII–XIII вв. подтверждается встречаемостью их не только в кладах, но и в погребениях этого времени в Подмоскowie. Цепочка упоминается в описании несохранившегося креста (двух крестов) с серебряными или золотыми обкладками из Киевского клада 1906 г. (Корзухина 1954. С. 124). Упоминание крестов в контексте нагрудных украшений отмечается более поздними документами. В духовной грамоте княжны Юлиании Волоцкой начала XVI в. говорится: «Да дочери же моей приданное..., да монисто на гайтане, четыре креста золоты, да четыре иконы золоты, да три креста камены в золотом, да восемь пронизок золотых» (Беленькая 1976. С. 95; Духовные и договорные грамоты... 1950. С. 349).

Еще одним признаком, позволяющим уточнить время изготовления креста с Охтинского мыса, являются филигранные крины, венчающие три его наконечника. Четыре куполообразно сходящихся крина, на каждом из них, выполнены в технике ажурной конструкции с корпусом из филигранных завитков, относящейся к IV технологическому этапу по типологии Н. В. Жилиной (Жилина 2010а. С. 50, 152, 165). Это наиболее сложная техника, в которой выполнены отдельные трехбусинные височные кольца и филигранные бусы ожерелий домонгольского времени. Полусферическая форма наконечников напоминает по своему исполнению овальные ажурные бусы ожерелий из Рязанского клада 1822 г.

Сканый узор с кринами, нанесенный непосредственно на лицевую поверхность наконечников, имеется на каменном кресте из собрания М. П. Боткина, хранящемся в Русском музее в Санкт-Петербурге. Этот крест размерами 5,6×3,6 см, изготовленный из яшмы, с золотыми наконечниками и гранатовой вставкой в оглавию, украшен тиснением, зернью и сканью с S-видными завитками. Н. В. Жилина относит его к «золотому филигранному ковровому стилю» (Жилина 1998. С. 75; Жилина 2010а. С. 181) (рис. 8: 3). Сочетание в нем сканного декора с вставным камнем, как на оглавию медальонов «рязанских барм», и оформление в стиле ажурных бус и больших колтов из Старорязанского клада 1822 г., свидетельствует, по мнению С. М. Новаковской-Бухман, об исполнении всего этого ювелирного набора в одной мастерской XII в. (Новаковская-Бухман 2010. С. 224, 237, цв. вкл. 5: 3).

Изображения крины появляются на колтах и цепочках рясен в XII в., развитие кринообразного стиля в древнерусском уборе происходит в конце XII – первой трети XIII в. (Жилина 2010а. С. 238; Жилина 2010б. С. 191–196). К этому же времени относится и распространение металлических нательных крестов с трехлепестковыми криновидными завершениями. В Пскове они известны в слоях XII–XIV вв. (Колпакова 2007. С. 8), в Новгороде встречаются с начала XIV в. по начало XV в. (Седова 1981. С. 54). В Северо-Восточной Руси криноконечные кресты появляются с XII в., но широкое распространение получают в XIV в. (Остапенко 2015. С. 110).

Сканным орнаментом с крупными фигурами в виде скоб, сердечек, завитков и волнот, среди которых имеются крины и обрамления в виде сдвоенного жгута, украшены два серебряных и один золотой наперсные кресты XIII–XIV вв. из Государственной Оружейной палаты и ризницы Благовещенского собора Московского кремля (Николаева 1976. С. 52–53). Все это подтверждает использование мотива крины, достаточно широко распространенного в древнерусском искусстве вообще, в оформлении нательных крестов в XII–XIV вв.

На домонгольских каменных крестах с наконечниками имеются и надписи, получающие широкое распространение только в период Московской Руси. В составе Киевского клада 1824 г., обнаруженного в районе Михайловского Златоверхого монастыря, имеется крест-корсунчик из яшмы с золотыми наконечниками, украшенный перегородчатой эмалью с городчатым орнаментом с одной стороны и надписью «IC XC НИКА» с другой (Кондаков 1896. С. 103, рис. 62; Гуцин 1936. С. 103; Корзухина 1954. С. 123–125) (рис. 8: 4). В Крестовой палате Патриаршего дворца в Московском кремле был обнаружен клад из двух каменных наперсных крестов с золотыми обкладками. На наконечниках одного из них имелось граффито «Исусь», на другом – гравированные надписи «Исусь Христос» и «Ника». Скрытие этого клада датировалось на основе стратиграфических данных временем штурма Москвы войсками Батые в 1238 г. (Панова 1996. С. 21–23). В последнее время предложена новая дата второго креста – XIV–XV вв. (Жилина 2014. С. 158, 340), однако основания для такой датировки не ясны. Подобные надписи редко встречаются в оформлении каменных крестиков древнерусского времени, обычными они становятся, наряду с накладными металлическими крестами, только в позднесредневековый период (XVI–XVII вв.).

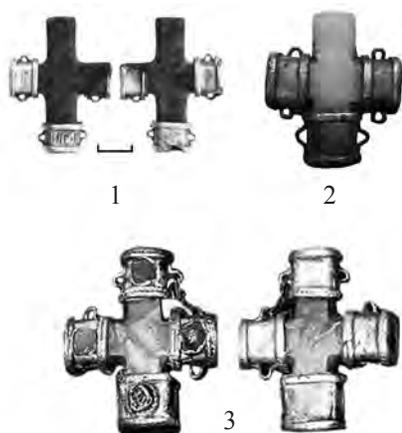

Рис. 9. Случайные находки крестов с металлическими оправками, происхождение которых неизвестно, частные коллекции: 1 – XIII–XV вв. (?); 2–3 – кресты предположительно древнерусского времени

Малоизвестной деталью в оформлении подобных крестов домонгольского времени являются петельки, припаянные на боковых поверхностях наконечников, которые являются непременным атрибутом позднесредневековых крестов XVI–XVII вв. (рис. 9). Они служили для крепления проволочек или цепочек, соединявших между собой соседние наконечники. Эти соединения образовывали ажурный ромб, напоминающий оформление металлических крестов, распространенных в этот период. Помимо украшения, проволочки выполняли и роль растяжек, дополнительно закреплявших наконечники и придававших всей комбинированной конструкции креста дополнительную прочность.

Подобные петли имеются на одном из крестов с золотыми оправками из Рязанского клада 1822 г. Есть и другие случайные находки аналогичных крестов с петельками, относящихся к древнерусскому времени (Кутасов, Селезнев 2010. С. 264). Следует отметить, что подобные цепочки и проволочки применялись в древнерусском ювелирном деле для соединения ожерелий и деталей венцов, а также для украшения их с использованием пронизок из жемчуга и бусин. Жемчужные обнизи – хорошо известный в древнерусское время элемент декора.

Г. Ф. Корзухина включала кресты-корсунчики с золотыми и серебряными оправками, наряду с такими ювелирными изделиями как ожерелья из овальных филигранных бус и медальонов с камнями и сканью, в IV группу кладов, зарытых между 1170 и 1240 гг., но преимущественно во время монголо-татарского

нашествия 1237–1240 гг. (Корзухина 1954. С. 29–31). Типологический ряд крестиков в сканно-зерневых оправках, по мнению Н. В. Жилиной, показывает постепенный переход от линейно-геометрического и раннегеометрического стилей к золотому сканному строгому с рубежа XI–XII вв. до середины XII в. К последнему принадлежат и упомянутые ранее кресты из Рязанского клада 1822 г. Крест-корсунчик из собрания М. П. Боткина и другие украшения этого круга исследовательница относит к «золотому филигранному ковровому» или «пышному» стилю, который связан с расцветом древнерусского ювелирного дела и датируется второй половиной XII – первой третью XIII в. (Жилина 1998. С. 75; Жилина 2010а. С. 174–182; Жилина 2010б. С. 188–191).

По своему оформлению и большинству элементов декора крест с Охтинского мыса также может быть отнесен к «золотому сканному строгому стилю». Судя по стилистическим особенностям оформления, он мог быть изготовлен в XII–XIII вв. Богатство украшения свидетельствует о его принадлежности представителю знатного рода – княжеского или боярского. Не совсем определенное стратиграфическое положение этой находки не позволяет сделать однозначного вывода о времени и обстоятельствах попадания ее на мыс: стоит говорить о периоде с 1300 по 1630-е гг.

Можно предположить, что крест мог попасть сюда в Смутное время в числе богатств, награбленных шведскими войсками на русской территории. Начиная с 1611 г. на мысу строятся земляные укрепления крепости Ниеншанц, ставшей впоследствии местом сосредоточения шведских войск, участвовавших в военных действиях на Северо-Западе России. Однако, в этом случае объяснить утрату ценного трофея затруднительно. В 1656 г., во время очередной русско-шведской войны, русские войска захватили и сожгли Ниеншанц, но слой, в котором был найден крест, судя по всему, относится к более раннему времени.

Маловероятно и происхождение креста из одного из захоронений располагавшегося поблизости позднесредневекового кладбища, частично разрушенного и переотложенного при строительстве укреплений Ниеншанца в первой половине XVII в. В процессе археологических раскопок на территории Охтинского мыса было изучено около 710 захоронений, датируемых предположительно с конца XVI до середины XVII в. Некрополь, вероятно, был связан первоначально с русским торговым поселением Невское устье, располагавшимся поблизости,

а впоследствии, до середины XVII в., являлся первым кладбищем шведского города Ниена (Сорокин, Андреева, Иванова, Лазаретова 2013. С. 103–113). Исследованные здесь захоронения за редким исключением безинвентарные. Только в одном из них обнаружен медный нательный крестик.

Крест мог быть утрачен одним из предводителей русских войск во время осад крепости Ландскрона. Неудачный штурм крепости в 1300 г., который, вероятно, предприняли новгородцы, упоминается только шведской Хроникой Эрика. В ней говорится, что русские войска пошли на приступ через ров, пытаясь взобраться на крепостной вал – «они бросились на приступ ко рву, каждые двое помогали третьему преодолевать ров... Хельсинги стреляли, рубили, кололи, но русские все продолжали наступать; тогда принялись за дело рыцари... они отбили русских, ... их отряд тогда увеличился, и они перешли к ним через ров...». Шведы совершили вылазку и атаковали штурмующих с тыла, после чего те вынуждены были отойти. Только на следующий год – в 1301 г. крепость была взята после ожесточенного штурма войсками великого князя Владимирского Андрея Александровича: «Русские штурмовали и днем и ночью, много было нанесено сильных ударов... Один отряд приходил, другой уходил и так они действовали и днем и ночью... В крепости той вспыхнул огонь и она загорелась, и русские вошли с рукопашным боем...» (Шаскольский 1987. С. 20–25; Хроника Эрика 1994. С. 53–55; Сорокин 2001. С. 10–21).

БИБЛИОГРАФИЯ

- Беленькая Д. А. Кресты и иконки из курганов Подмосковья // Советская археология. 4. 1976. С. 88–99.
- Веремейчик Е. М. Предметы христианского культа XI–XIII вв. на сельских поселениях Черниговского Полесья // Славяно-русское ювелирное дело и его истоки. Материалы международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Г. Ф. Корзухиной, Санкт-Петербург, 10–16 апреля 2006 г. А. А. Пескова, О. А. Щеглова, А. Е. Мусин (ред.-сост.). М.: Нестор-История, 2010. С. 344–354.
- Византийский Херсон. Каталог выставки. Л. А. Голофаст (авт.-сост.), И. С. Чичуров (отв. ред.). М.: Наука, 1991.
- Герцен А. Г., Яшаева Т. Ю. Древнерусские энколпионы из Юго-Западного Крыма // Славяно-русское ювелирное дело и его истоки. Материалы международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Г. Ф. Корзухиной, Санкт-Петербург, 10–16 апреля 2006 г. А. А. Пескова, О. А. Щеглова, А. Е. Мусин (ред.-сост.). М.: Нестор-История, 2010. С. 355–362.
- Горбачева Н., Харламова И. Произведения древнерусской мелкой пластики XI–XVII вв. в собрании Ярославского государственного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника: каталог. Ярославль: 2К, 2011.

Способ ношения наперсного креста и возможности его утраты во время военного конфликта наглядно иллюстрирует летописное описание событий, связанных с убийством киевлянами князя Игоря Ольговича в 1147 г. В нем упомянуто нападение горожан на защищавшего князя боярина Михалю: «Михалю же бьюще, и отторгша на нем крест и чеши в гривну золота...» – сообщает Лаврентьевская летопись. Согласно Воскресенской летописи – «... оборваша на нем крест и чеши и гривны златыя...» (Корзухина, Пескова 2003. С. 37; Лаврентьевская летопись. Стб. 318; Летопись по Воскресенскому списку 1856. С. 42).

Археологические раскопки показали, что именно на юго-восточном участке укреплений Ландскроны, где был найден крест, в слое штурма крепости была сосредоточена основная часть предметов вооружения: наконечники копий, стрел и арбалетных болтов, включая наконечники от болтов станковых арбалетов. Часть из них оказалась перекрыта сгоревшими конструкциями крепостных сооружений, упавшими в ров. Здесь же, на дне рва, было найдено скопление метательных гранитных булыжников (Сорокин, Короткевич, Матвеев, Михайлов 2014. С. 103–113). Находки оружия, камней и следы пожара свидетельствуют о том, что основное направление приступа русских войск было именно на этом участке укреплений, и что здесь происходила особенно ожесточенная схватка. Названные обстоятельства делают еще более вероятной возможность потери креста в этом месте в указанное время.

- Государственная Третьяковская галерея. Каталог собрания. Т. 1: Древнерусское искусство X – начала XV века. Я. В. Брук, Л. И. Иовлева (ред.). М.: Красная площадь, 1995.
- Гуцин А. С. Памятники художественного ремесла Древней Руси X–XIII вв. Л.: Гос. соц.-эк. изд-во, 1936.
- Даркевич В. П., Монгайт А. Л. Старорязанские клады 1967 г. // Советская археология. 2. 1972. С. 206–212.
- Даркевич В. П., Монгайт А. Л. Клад из Старой Рязани. М.: Наука, 1978.
- Даркевич В. П., Пуцко В. Г. Старорязанские клады (раскопки 1979 г.) // Советская археология. 2. 1982. С. 196–209.
- Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. Л. В. Черепнин (ред.). М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950.
- Жилина Н. В. Стили и технология древнерусской зерни и скани // Российская археология. 3. 1998. С. 75–84.
- Жилина Н. В. Зернь и скань Древней Руси. М.: ИА РАН, 2010а.
- Жилина Н. В. История древнерусского металлического убора IX–XIII вв. // Славяно-русское ювелирное дело и его истоки. Материалы международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Г. Ф. Корзухиной, Санкт-

- Петербург, 10–16 апреля 2006 г. А. А. Пескова, О. А. Щеглова, А. Е. Мусин (ред.-сост.). М.: Нестор-История, 2010б. С. 175–209.
- Жилина Н. В.* Древнерусские клады IX–XIII вв.: классификация, стилистика и хронология украшений. М.: Либроком, 2014.
- Кайль В. А., Нечитайло В. В.* Каталог нательных христианских крестов, подвесок и наклеек с изображением креста периода Киевской Руси X–XIII столетий. Луганск: Максим, 2006.
- Кокорина Н. А.* Нагрудные кресты древнерусского времени из археологических коллекций Государственного Владимиро-Суздальского музея-заповедника. Каталог. Владимир: ГВЗМЗ, 2013.
- Колпакова Ю. В.* Христианские древности населения Пскова и Псковской земли конца X–XVIII вв. (предметы личного благочестия). Автореф. дисс. канд. ист. наук. М.: [МГУ], 2007.
- Кондаков Н. П.* Русские клады: исследования древностей великокняжеского периода. СПб.: тип. Глав. управ. уделов, 1896.
- Корзухина Г. Ф.* Русские клады IX–XIII вв. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1954.
- Корзухина Г. Ф., Пескова А. А.* Древнерусские энколпионы. Нагрудные кресты-реликварии X–XIII в. Труды Института истории материальной культуры РАН 7. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2003.
- Карножицкий А.* Порфир // Энциклопедический словарь. Т. XXIVа: Полярные сияния – Прая. Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон (изд.). СПб.: тип. И. А. Ефрон, 1898. С. 644–646.
- Лаврентьевская летопись. Полное собрание русских летописей 1. М.: Языки русской культуры, 2001.
- Летопись по Воскресенскому списку. Полное собрание русских летописей 7. СПб.: Б. и., 1856.
- Кутасов С. Н., Селезнев А. Б.* Нателные кресты, крестовключенные и крестовидные подвески. Коллекция Кутасова: Кресты. Вып. 1. М.: Группа «ИскательИ», 2010.
- Монгайт А. Л.* Старая Рязань. Материалы и исследования по археологии древнерусских городов. Т. 4. Материалы и исследования по археологии СССР 49. М.: Изд-во АН СССР, 1955.
- Мусин А. Е.* «Камень аспиден зелен». Об одной группе древнерусских крестов из порфирита // Российская археология. 3. 2003. С. 145–155.
- Мусин А. Е.* Усадьба «И» Неревского раскопа. Опыт комплексной характеристики христианских древностей // Новгородские археологические чтения – 2. Материалы научной конференции, посвященной 70-летию археологического изучения Новгорода и 100-летию со дня рождения основателя Новгородской археологической экспедиции А. В. Арциховского. г. Великий Новгород, 21–24 сентября 2002 г. В. Л. Янин (отв. ред.). Новгород: НГОМЗ, 2004. С. 137–151.
- Мусин А. Е.* Паломничество и особенности «перенесения сакрального» в христианской Европе // Новые Иерусалимы. Иеротопия и иконография сакральных пространств. А. М. Лидов (ред.). М.: Индрик, 2009. С. 221–255.
- Мусин А. Е.* Церковь и горожане средневекового Пскова. Историко-археологическое исследование. СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2010.
- Николаева Т. В.* Произведения мелкой пластики XIII–XVIII веков в собрании Загорского музея: Каталог. Загорск: Б. и., 1960.
- Николаева Т. В.* Прикладное искусство Московской Руси. М.: Наука, 1976.
- Николаева Т. В.* Древнерусская мелкая пластика из камня. XI–XV вв. Свод археологических источников Е1–60. М.: Наука, 1983.
- Новаковская-Бухман С. М.* Украшения из «разрозненных» древнерусских кладов в собрании М. П. Боткина // Славяно-русское ювелирное дело и его истоки. Материалы международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Г. Ф. Корзухиной, Санкт-Петербург, 10–16 апреля 2006 г. А. А. Пескова, О. А. Щеглова, А. Е. Мусин (ред.-сост.). М.: Нестор-История, 2010. С. 221–244.
- Остапенко А. А.* Христианские древности Рязанской земли XI–XVI вв. (мелкая пластика). Дисс. на соиск. уч. ст. канд. ист. наук. Т. 1. М.: ИА РАН, 2015: <http://www.archaeolog.ru/media/dissovet/T1.Ostapenko.pdf>: дата обращения 1 октября 2016 г.
- Панова Т. Д.* Клады Кремля. М.: Гос. ист.-культур. музей-заповедник «Моск. Кремль», 1996.
- Седова М. В.* Ювелирные изделия древнего Новгорода (X–XV вв.). М.: Наука, 1981.
- Сидоренко Г. В.* Кресты-курсунчики из коллекции Государственной Третьяковской галереи // XVIII Международный конгресс византистов. Резюме сообщений. Т. 2: L–Z. Ин-т всеобщей истории, Ин-т славяноведения и балканистики АН СССР (подг.). М.: Б. и., 1991. С. 1055–1056.
- Сорокин П. Е.* Ландскрона, Невское устье, Ниеншанц: 700 лет поселению на Неве. СПб.: Литера, 2001.
- Сорокин П. Е., Андреева О. В., Иванова А. В., Лазаретова Н. И.* Археологические исследования Охтинского некрополя // Stratum plus. 5. 2013. С. 103–113.
- Сорокин П. Е., Короткевич Б. С., Матвеев В. Н., Михайлов К. А.* Штурм крепости Ландскрона по историко-археологическим данным // Stratum plus. 6. 2014. С. 103–113.
- Сорокин П. Е., Гукин В. Д., Иванова А. В., Короткевич Б. С., Лазаретов И. П., Матвеев В. Н., Михайлов К. А., Поляков А. В., Попов С. Г.* Археологические исследования на Охтинском мысу. Т. 1: Раскопки в центральной части мыса. СПб., 2016 (в печати).
- Ханенко Б. И., Ханенко В. Н.* Древности русские. Кресты и образки. 1. Киев: тип. С. В. Кульженко, 1899.
- Ханенко Б. И., Ханенко В. Н.* Древности русские. Кресты и образки. 2. Киев: тип. С. В. Кульженко, 1900.
- Хроника Эрика: [в стихах]. А. Ю. Желтухин (пер., ком.); А. А. Сванидзе (науч. ред., ком). Выборг: Фантакт, 1994.
- Шаскольский И. П.* Борьба Руси за сохранение выхода в Балтийское время в XIV в. Л.: Наука, 1987.